

С.Н. ГАВРОВ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР И ПОИСК НОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Культурные контакты приобрели интенсивный характер в конце XV столетия, когда была «открыта Америка». При встрече двух культур более сильная культура пытается навязать собственное видение мира, культурные ценности и традиции, образ жизни и манеру поведения и т.п., что приводит к девальвации культурных ценностей более слабой культуры, трагическим последствиям для «бесписьменных народов» (Леви-Строс), а порой и к их исчезновению.

Негативную реакцию «примитивных культур» на контакт с западной индустриальной культурой исследовали Р. Линтон и Б.Малиновский. В 1940 г. Р. Линтоном были выделены два типа условий, в которых может происходить аккультурация:

1) свободное заимствование элементов культуры при взаимодействии культур друг с другом, протекающее мирным путем, без наличия военно-политического господства;

2) насильственная культурная ассимиляция более слабой культуры, проводимая культурой доминирующей в военном и политическом отношении.

Б. Малиновский исследовал аккультурационные процессы на примере межплеменных культурных контактов островитян Тихого океана. Поздние работы исследователя были основаны на изучении колонизации Африки европейцами. Межкультурное взаимодействие или «культурный обмен» приводит не к механическому слиянию «черт культуры», а к уникальной, новой культуре: «Действительная суть “культурного обмена” между европейскими и неевропейскими народами заключается в том, что европейцы предлагают духовные ценности и присваивают землю, минеральные ресурсы, дешевый труд»¹. Он считал, что антагонизм

Гавров Сергей Назипович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Российского института культурологии (Москва).

¹ *Malinowski B. The Dynamics of Culture Change // An Inquiry into race relations in Africa. New Haven, 1945. P. 11, 71.*

двух рас и культур вызван конфликтом между двумя системами общественно-правовых интересов. Б. Малиновский отмечал, что две культуры – африканская и европейская, – встречаясь друг с другом и оказывая влияние, «порождают третью культурную реальность».

Однако в каждом случае мы должны соотносить западное влияние с особой племенной культурой². Племенная культура африканцев достаточно укоренена в сознании и практической жизнедеятельности африканцев, они подчинены своему собственному «культурному детерминизму», и процесс замены одних культурных реалий другими происходит достаточно сложно, приводя порой к конфликтам, как это было в случаях с насильственным обращением африканцев в христианскую веру, гонениями на колдовство, древние обычаи и традиции. Рассматривая культурное изменение, Малиновский отмечает, что оно может вызываться внутренними факторами и силами, которые присущи данному сообществу, и тогда это «независимое изобретение», или же происходить вследствие культурного контакта с другими культурами, именуемого «диффузией»³.

Термин «аккультурация» употребляется в самых различных контекстах. Под аккультурацией в 50–60-е гг. XX в. понималось взаимодействие незападных культур, процессы японизации, китаезации и т.п., которые происходили в отдельных регионах. К аккультурационным исследованиям относятся и те, что посвящены проблеме взаимодействия городской и народной культур. Р. Билз считает, что к аккультурационным процессам относится и динамика иммигрантских групп в США, и процесс урбанизации, и использует соответствующие аккультурационные методы исследования. Г. Бейтсон предложил употреблять термин «аккультурация» и при изучении контактов между группами в рамках одной культуры.

Р. Турнвальд подчеркивает динамичный, *процессуальный характер* аккультурации и отмечает такие ее свойства, как «изменение функций; вариативность рамок принятия разных культурных черт; частичная зависимость отбора элементов от условий контакта; непредвиденные последствия адаптации новых черт; взаимодействие между традиционно значимыми группами детерминант; анализ обстоятельств контакта; степень реакции на контакт – от полного отторжения неизвестного до не критического восприятия, полной ассимиляции и формирования новых культурных образований»⁴. Большое внимание даже в среде функционали-

² См.: Малиновский Б. Научные принципы и методы культурного изменения // Антология исследований культуры. Т. 1: Интерпретация культуры. СПб., 1994. С. 377.

³ Цит. по: Билз Р.Л. Аккультурация // Антология исследований культуры. Т. 1: Интерпретация культуры. СПб., 1997. С. 349.

⁴ Там же. С. 35.

тов уделяется реконструкции состояния культуры, в котором она пребывала до культурного контакта, использованию исторических данных и исторического подхода, что позволяет проследить культурную динамику.

Другой характерной чертой данного рода исследований является их *прагматический характер*. Так, М. Хантер отмечает: «И администратор, и миссионер, и торговец в равной мере заинтересованы в выяснении того, какими санкциями регулируется поведение в условиях племенной жизни и как сказывается на этих санкциях контакт с европейцами. Социальные санкции, т.е. узы, интегрирующие общество, можно понять лишь путем изучения функционирования и взаимосвязи общественных институтов; и нам необходимо определить, какое изменение в функционирование и взаимосвязь этих институтов вносит контакт с европейцами»⁵.

Все большее значение приобретают исследования, посвященные обратному влиянию культуры-реципиента на доминирующую культуру, особенно в сфере художественного творчества. Так, общепризнанным фактом является влияние африканской музыки на музыкальную культуру Европы и Америки, что выразилось, в частности, в появлении джаза, или воздействие африканской скульптуры и масок на живопись XX в., проявившееся в творчестве П. Пикассо, и др.

Как известно, любое межкультурное взаимодействие носит *двусторонний характер*, в результате культурного контакта происходит изменение и доминирующей, и подчиненной культур. Взаимодействия локальных культур являются адекватной единицей подобных социокультурных процессов, при этом понятие «локальная культура» сближается по своему значению с понятием «этническая культура», это дает возможность реально выделить и конкретизировать объект исследования и проводить проверку теоретических конструкций с помощью обращения к эмпирическим данным. Вполне достижима и задача выявления взаимодействия субкультуры в рамках единой национальной культуры.

Если же мы попытаемся оценить результаты взаимодействия культур, то столкнемся с тем, что критерии безусловно положительного или негативного влияния культур в рамках краткосрочной перспективы отсутствуют. Любое взаимодействие культур вызывает целый комплекс последствий, характер которых, как правило, можно оценить лишь по прошествии многих лет, конечно, за исключением тех случаев, когда одна культура оказывает очевидно негативное влияние, приводящее к исчезновению другой культуры. В любом случае инновации, привнесенные доми-

⁵ Цит. по: Там же. С. 365.

нирующей культурой, необходимо оценивать с точки зрения адаптации культуры-реципиента к изменяющимся условиям жизнедеятельности.

Диалог культур в той или иной форме существовал практически всегда, его истоки уходят в доисторическое прошлое человечества. Были периоды более активного взаимодействия, например Великое переселение народов, территориальная экспансия Римской империи, Крестовые походы, Великие географические открытия, распространение мировых религий.

Попадая в зону культурной, языковой бифуркации, создаваемой конфликтом прежнего жизненного опыта, в том числе языка, усвоенных норм и ценностей своей культурной среды, и нового социокультурного окружения, человек сталкивается с проблемой выбора собственной культурной идентичности. Зона бифуркации – это зона смысложизненных поисков, поведенческих экспериментов, возможность попробовать и ошибаться. В любом случае, это зона большей свободы, выхода за пределы налаженной жизни, задаваемой автоматизмом поведенческих реакций в соответствии с усвоенными нормами и ценностями культурной среды, данной человеку при рождении.

В XXI в. западные общества обладают громадным демографическим потенциалом, представляя собой массу людей, обуреваемых материальными соблазнами, воспринявших достигательную модернистскую мотивацию, динамичных, но в массе своей по вполне объективным причинам не могущим получить того, что внутренне воспринимается ими как необходимое для достойной жизни, успешной реализации личностного жизненного проекта. Разница демографических потенциалов создает угрозу конфликта по линии Север–Юг, а в более отдаленной исторической перспективе становится вполне реальной угрозой растворения западного, модернистского, фаустовского человечества в океане более инертного западного большинства.

Процессы глобализации способствуют созданию своеобразных групп поддержки, неофитов Запада, воспринявших не только его институциональную среду, но и часть ценностей, организацию повседневной жизни, модели поведения. Именно эта, наиболее вестернизированная часть западного мира становится шансом западной цивилизации сохранить культурную преемственность при изменении этнического, расового соотношения между различными частями человечества.

Процесс секуляризации западного общества и культуры, занявший несколько столетий, привел не только к «смерти бога», но и к кончине самого европейского человека, кончине от потери им жизненного смысла, ведь деньги и сколь угодно высокий уровень материального комфор-

та сами по себе таким смыслом быть не могут. Люди на Западе ищут нового смысла жизни, и мы наблюдаем возрастающий интерес к незападным религиям, проявляющийся, в своем высшем выражении, в ежегодном принятии ислама, буддизма, индуизма десятками тысяч этнических европейцев.

Новые формы идентичности во многом формируются под воздействием транснациональной (глобальной) массовой культуры. Идентичность выходит за рамки национальных границ, стремление к личностному бессмертию находит свое выражение в формах гетерогенной солидарности. По мысли Ф. Пиренка, «в соответствии с законами индивидуализации каждый желает получить свою порцию субъективности... Каждый хочет отныне иметь свою память, а не универсальную; свой рассудок, а не машинный; свою фантазию, а не то, что выработано в недрах безликих редакций и мозговых трестов сознательными машинами. Но как найти (и понять) что-то свое, если оно все время распадается на что-то чужое... субъективность отделилась от человека и прижалась к машине, которая производит образы. Субъективность стала слишком серийной»⁶.

Самоидентификация становится «модульной», обретается иллюзия приобщения к многочисленным трансвременным формам потребительской общности. Сегодня формы социальной престижности, референтные модели поведения, нормы и ценности моделируются и транслируются в рамках складывающегося глобального информационного и культурного пространства.

Сегодня вертикально интегрированные, институционализированные формы социальности дополняются и замещаются ее сетевыми формами. Человек эпохи позднего модерна может отождествлять себя с транснациональными движениями, субкультурами, группами потребителей определенных марок (брендов) товаров и услуг, референтность которых утверждается и воспроизводится в этом качестве СМИ. Тенденция к диверсификации, большей вариативности личностного самоотождествления не линейна, поскольку наблюдается и влияние прямо противоположной тенденции, заключающейся в уплощении личности и культуры под воздействием растущей технологизации и стандартизации практик повседневного существования.

Сегодня часть этнических европейцев пытаются выбрать новую идентичность без смены среды повседневного обитания, вне процессов, связанных с эмиграцией, физическим перемещением людей по планете. Эти

⁶ Цит. по: *Савицкая Т.Е.* Постсовременный мир: изменение культурной парадигмы // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира. М., 2002. С. 79.

люди пока в меньшинстве, но именно они творят историю, на практике своей жизни осуществляя пилотный проект остернизации Запада. Как мы уже заметили, Восток приходит на Запад не только посредством миграции людей, культуры и религии, но и путем постепенного «овосточивания» самих европейцев, все более интенсивных поисков новой культурной идентичности.

А.А. ГРИЦАНОВ

ИДЕНТИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА: ПРОРЫВ В ТРЕХМЕРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ОПИСАНИЙ

Осознание, осмысление и поиск современным человеком собственной идентичности осуществляется в настоящую эпоху в принципиально новаторских культурных и технологических контекстах. Поскольку на рубеже 2-го и 3-го тысячелетий христианской эры даже половая принадлежность индивида стала уделом его зрелого личного выбора (Ж. Бодрийяр), постольку становится актуальным вспомнить тезис М. Фуко о том, что даже «человек» как таковой есть «изобретение недавнее» и более того — неумолимо преходящее.

Подобные сдвиги в положении людского сообщества вынуждают его искать фундамент для обретения самости («сугубо личной») в совершенно новаторских (по сравнению с инструментарием эпохи Просвещения) антропологических техниках и версиях знания о мире. Поэтому нет ничего странного, что уже сегодня в выступлениях здесь прозвучали столь экстравагантные некогда термины, как «точка сборки», «нирвана», «Абсолют», «откровение», отсылающие нас (помимо всего прочего) к парадигме многократности существования души человека. Этот же исследовательский поворот — вполне очевидно — способен подтолкнуть нынешнее человечество (и нас как его часть) к радикальному пересмотру всего спектра базовых понятий, имеющего отношение к проблемным полям идентичности человека.

Грицанов Александр Алексеевич — кандидат философских наук, доцент, научный руководитель международного проекта «Гуманитарная энциклопедия» (Минск).
